

УДК 316.334.56

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: ОТ ЛОКАЛЬНОСТИ К СУБКУЛЬТУРАМ И СЕТЯМ ПО ИНТЕРЕСАМ

Мусиездов Алексей Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Статья посвящена переосмыслению интерпретации городских сообществ в социологии на протяжении XX века. Актуальность темы обусловлена изменениями оснований солидарности в современном обществе, что делает изучение сообществ одной из наиболее перспективных областей исследований. В статье рассмотрены основные подходы к определению сообществ. Определены тенденции в переосмыслении связи городских сообществ с территорией. Подчеркнуто, что современные социологические концепции все чаще отказываются рассматривать городские сообщества как локальные, трактуя их как субкультурные, сетевые и т.д. Это приводит к идее о том, что локальные сообщества, в том числе городские, формируются и воспроизводятся в значительной степени за счет воображения.

Ключевые слова: сообщество, соседство, локальное сообщество, городские сообщества, городской образ жизни, субкультура, социальные сети, воображаемое сообщество.

Стаття присвячена переосмисленню інтерпретації міських спільнот в соціології протягом XX століття. Актуальність теми зумовлено змінами засад солідарності у сучасному суспільстві, що робить вивчення спільнот однією з найбільш перспективних галузей досліджень. У статті розглядаються основні підходи до визначення спільнот. Простежується тенденція до переосмислення зв'язку міських спільнот з територією: соціологічні концепції все частіше відмовляються розглядати міські спільноти як локальні, трактуючи їх як субкультурні, мережеві і т.д. Це призводить до ідеї про те, що локальність спільнот значною мірою формується і відтворюється за рахунок уявлення.

Ключові слова: спільнота, сусідство, локальна спільнота, міські спільноти, міський спосіб життя, субкультура, соціальні мережі, уявлена спільнота.

The article deals with the rethinking of interpretation of urban communities in sociology during the twentieth century. Actuality of the topic is caused by changes of the basis of solidarity in contemporary society that make community studies one of the most prospective research spheres. The article discusses the main approaches to the definition of community. There is a tendency to rethink the connection of urban communities with the territory: sociological concepts are increasingly refusing to consider the city as local community, treating them as a subculture, network, etc. This leads to the idea that the local community is largely formed and reproduced by the imagination.

Keywords: community, neighborhood, local community, urban communities, urban lifestyle, subculture, social networks, imagined community.

Изучение сообществ составляет важную часть социологической традиции и смежных исследований. В нынешних условиях, когда традиционные основания солидарности проблематизируются, тема сообществ приобретает принципиальную важность для понимания происходящих в обществе процессов. Тем не менее, как само понятие сообщества, так и подходы к его интерпретации и изучению, меняются на протяжении всей истории существования этой предметной области. Задача статьи состоит в анализе изменений в трактовках городских сообществ как примеров сообществ как таковых.

Наиболее четкие трактовки сообществ можно найти в работах Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма, ассоциировавших их с традиционным обществом (*Gemeinschaft*), в котором социальность основана на личных связях, непосредственных межличностных взаимодействиях, коллективном сознании и неформальном социальном контроле. В современном обществе (*Gesellschaft*) такой тип социальных связей во многом утрачивает свое значение под натиском порожденных капитализмом всеобщей рациональности, функциональности и индивидуализации.

В современных классиках социологии городов различные сообщества были заметной частью города и городской жизни, неслучайно многие исследования представителей чикагской школы имели своим предметом разнообразные гетто, трущобы и т. п. – образования, в которых «формальный» порядок обезличенного массового общества дополнялся, преломлялся и даже замещался «неформальным» порядком общины. Однако на уровне теории сущность городской жизни все равно интерпретировалась как освобождение от диктата традиционного общества. «Наработки исследований сообществ – пишет У. Фланаган, – ясно показали, что классическая модель Вирта не связана с общим опытом большинства городских жителей» [10, Р. 70]. Более того, сам Л. Вирт со своей работой «Гетто» [28] выступает одним из классиков исследований сообществ (*community studies*), которые оказались относительно самостоятельной отраслью социального знания.

Однозначного определения понятия сообщества не существует. Так, например, Оксфордский словарь по социологии предлагает лишь самую общую дефиницию: «Понятие сообщества предполагает определенным образом упорядоченный набор социальных связей, основанных на чем-либо общем для всех участников данных отношений; как правило, это общность идентификации» [6, Р. 72–73]. Исследователи выделяют два основных акцента в определении сообществ. Подход Ф. Тенниса оказывается *функциональным*, таким, в котором главным является качество социальных связей; распространено и другое видение сообщества – *структурное*, отталкивающееся от его интерпретации как имеющего в своей основе общность территории, экономических институтов и собственных органов управления [3]. Согласно классификации, предложенной Д. Хиллари на основании анализа 94 обнаруженных определений, можно говорить о трех типах определений сообществ: полагающих основным территорию (1), общую культуру, ценности (2) и устойчивые социальные взаимодействия (3) [2]. В работе 1971 года «Сообщество в Америке» [24] Р. Уоррен предлагает определенную систему координат, состоящую из четырех измерений. Первое описывает степень зависимости или независимости общности при выполнении ее основных функций от единиц, не входящих в данную общность. Второе показывает, в какой степени совпадают или не совпадают сферы действия общинных единиц. Третье измерение отображает степень психологической идентификации индивида со своим сообществом. Четвертое – структурные и функциональные связи между различными единицами общности [3]. В исследовательской практике изучения сообществ обычно сочетаются различные варианты интерпретации, которые относятся к вполне конкретным и «очевидным» сообществам, нередко не претендуя на обобщения, выходящие за пределы отдельных случаев.

Если исходить, как минимум, из названия, то одним из первых источников в исследованиях сообществ можно считать сборник трудов Американского социологического общества за 1926 год под редакцией Э. Берджесса, озаглавленный «Городское сообщество» [23]. В этот сборник вошли такие тексты, как «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок» Р. Парка, «Подъем городского сообщества» Н. Граса, «Город как сообщество: введение в исследовательский проект» С. Норт, «Локальное сообщество как единица планирования городских районов проживания» К. Перри и др. Резюмировать изложенные в сборнике идеи можно, остановившись на двух представленных в нем текстах.

Р. Парк развивает экологический подход и повторяет идею Э. Дюркгейма об органической солидарности: «Только когда каждый индивид оказывается вынужденным сосредоточивать свое внимание на какой-либо узкой области общего человеческого опыта, только когда он приучается прилагать свои усилия на каком-то небольшом сегменте общей задачи, только тогда может поддерживаться та широчайшая кооперация, которую требует цивилизация» [4, С. 12]. Указывая на кооперацию, Р. Парк, тем не менее, видит город состоящим из различных сообществ: «Чайнатауны, Маленькие Сицилии и прочие так называемые «гетто» <...> неизбежно создаются условиями и тенденциями жизни города» [4, С. 14].

Сесил Норт подчеркивает, что вопрос, является ли город сообществом, зависит от того, как мы определяем сообщество. Она пишет: «Во всех коннотациях термина «сообщество», имеем мы в виду популярное или научное словоупотребление, фундаментальным является его определение как группы людей, проживающих на определенной территории и отличающейся значительной степенью единства перед лицом важных жизненных вызовов» [18, Р. 233]. Поразительное разнообразие различных стилей, языков, привычек и привязанностей, соперничество между собой различных расовых, этнических, религиозных групп, нередко оборачивающееся насильственными действиями и т. д. являются реалиями жизни современного города, поэтому неудивительно, что исследователям сложно видеть в городе хоть какое-нибудь подобие единства.

Однако такая точка зрения не принимает во внимание некоторых принципиально важных для современного общества аспектов социального единства. Рассматривать последнее как ограниченное исключительно ситуациями простых межличностных отношений означает игнорировать наиболее важные элементы нынешнего социального порядка, в котором большинство взаимодействий, поддерживающих социальную интеграцию, являются безличными. Локальность становится все менее самодостаточной – представитель местного сообщества оказывается в то же самое время представителем народа и государства, и именно это оказывает большее влияние на то, каким образом человек удовлетворяет свои

жизненные потребности. Это касается и экономической жизни, обычно определяемой извне локального сообщества, религии как части более широкой культуры и т. д. В этих условиях местная община сама не в состоянии полностью удовлетворить нужды индивидов или требовать от них исключительной лояльности.

Все эти факторы порождают вопрос о том, можно ли вообще рассматривать город в качестве сообщества. Отвечая на него, С. Норт пишет: «Вместо того, чтобы пытаться ответить на вопрос о том, является ли та или иная локальная группа сообществом, мы должны определить, в какой степени группа представляет собой сообщество, и мы располагаем объективными единицами измерения для определения этой степени» [18, Р. 236]. По логике автора такими критериями является совместная активность членов группы по реализации тех или иных групповых интересов (экономических, религиозных, политических, культурных и т. д.). В данной интерпретации, как видим, легко узнать черты будущих концепций, полагающих совместное действие фактором, конституирующим сообщество (А. Турен, М. Кастельс и др.).

В исследованиях городских сообществ классическими считаются работы «Янки-Сити» У. Л. Уорнера [24], «Южная глубинка: Социально-антропологическое исследование касты и класса» Э. Дейвис, Б. Гарднер и М. Гарднер [7], «Миддлтаун: Исследование современной американской культуры», «Миддлтаун во времена перемен: Исследование культурных конфликтов» Р. С. Линда и Х. М. Линд [16; 17], «Плейнвилль, США» Дж. Уэста [26]. Основной задачей исследований авторы видели описание и анализ избранного объекта как компактной модели «устройства» общества в целом, соответственно, принципиально важным оказывается необходимость выбора типичного объекта. Однако для нас важно подчеркнуть тот факт, что в качестве таких объектов в каждом случае выбирался небольшой город, чьи жители все равно оказывались неоднородными, а значит, не составляли сообщества в смысле «морального единства». Как пишет М. Добрякова, подлежащее изучению в рамках подобных исследований сообщество «не должно быть экономически зависимым, например, от угольной промышленности, курортного бизнеса и аналогичных доходов сезонно-климатического характера. Оно должно быть однородным в социальном плане: никаких крупных религиозных конгрегаций, нетипичных для данного района; никаких больших иноязычных диаспор; более того, в нем не должно быть ярко выраженной «аристократии» и вообще классов. В результате более или менее длительных поисков подходящие сообщества находились. Однако в ходе исследований выяснялось, что все они не удовлетворяли последнему требованию о классовой однородности» [3]. К тому же в этих исследованиях не акцентировалось внимание на взаимодействиях с другими сообществами, в рамках которых и формулируется общая идентичность.

Одним из наиболее ранних эмпирических исследований городских сообществ является работа Уильяма Уайта «Общество на углу улицы» (1943 г.) [27], посвященная изучению социальной структуры итальянской общины в Северном Бостоне. Исследование показало существование важных различий в восприятии одного и того же места «извне», со стороны и «изнутри», теми, кто там живет. Так, в частности, оказалось, что то, что для внешнего наблюдателя выступает элементами дезорганизации и морального упадка, для члена сообщества оказывается интегрирующим и стабилизирующим фактором. Так, например, владение искусством обходить закон, свойственное большинству представителей сообщества, оборачивалось собственным, общим для сообщества пониманием порядка и того, что является достойным поведением.

Впоследствии появилось множество исследований на эту тему, что позволило Б. Веллману и Б. Лейтону констатировать, что горожане «по-прежнему связаны соседством, по-прежнему имеют ощущение локальной общины и по-прежнему используют соседские связи для общения и поддержки» [14]. Такое положение вещей особенно характерно для дискриминируемых слоев (чернокожих, этнических меньшинств, женщин и т. д.), для представителей которых признание в семье, общине, среди соседей выступает своего рода компенсацией за невозможность самореализации «вовне».

Городские сообщества как территориально локализованные образования в западной традиции концептуализируются как «соседства» («*neighborhoods*»). Один из ведущих представителей данного направления Альберт Хантер определил соседство как «уникально сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни» (цит. по: [2]). Он настаивал на том, что не все люди, живущие неподалеку друг от друга, образуют соседства и входят в них, и рассматривать соседство вне социального контекста ни в коем случае нельзя.

Исследования показывают, что в силу различных причин люди в разной степени включены в жизнь соседств. Так, чем больше человек контактирует с друзьями, знакомыми, коллегами, родственниками, людьми, объединенными общими интересами и т. д., тем менее значимыми для него оказываются соседские связи. Вне дома чаще проводят время более образованные горожане, молодежь, мужчины, соответственно, соседство оказывается более важным для пенсионеров и домохозяек. Исследования также показывают более сильную заинтересованность в соседских связях представителей рабочего класса, в частности по сравнению с представителями среднего класса [2].

Различаются также и типы соседских объединений. Традиционно считалось, что соседства объединяются, в первую очередь, по этническому признаку, однако далеко не всегда локальные сообщества оказываются этническими объединениями. Исследования Геральда Саттлса привели к выводу о том, что территориальная идентичность создает солидарность, основанную на общем месте проживания, которая оказывается сильнее этнических и расовых различий. Он предлагает понятие «оборонительное соседство» («*defended neighborhood*»), под которым понимается такое (полиэтническое) локальное сообщество, которое ощущает свое единство на фоне внешних (реальных или мнимых) угроз, даже если источником таких угроз оказываются представители тех же этнических групп, что и члены сообщества [21]. «Оборонительные соседства» могут проявляться в разных формах, быть результатом различных причин, существенно варьироваться по численности и составу. Ключевым фактором их формирования являются внешние по отношению к сообществу обстоятельства. Однако это же и препятствует тому, чтобы рассматривать их как сообщества в полном смысле слова, поскольку изменение внешних обстоятельств может привести к тому, что подобное сообщество перестанет существовать.

Кроме оборонительных соседств, Г. Саттлс выделяет такие формы объединений, как «близкие соседи» («*face block*») и «сообщество с ограниченной ответственностью» («*community of limited liability*») [20]. В первом случае речь идет о тех, кто вовлечен в рутинные практики, связанные с местами, близкими к дому, знает друг друга в лицо, а часто и по имени. Границы сообщества обычно обозначают территорию, где позволено гулять детям.

Термин «сообщество с ограниченной ответственностью» был введен в научный оборот в 1961 году М. Яновицем в работе, посвященной роли местной прессы в функционировании городских поселений [13]. Основная мысль данной работы состоит в том, что, во-первых, сообщество может быть результатом «внешнего» восприятия и определения. Так, например, журналисты, землевладельцы или владельцы жилья, местные власти и политики, различные социальные службы, в том числе органы образования, медицины, социальной защиты и т. д., определяют проживающих на некоторой территории местных жителей в качестве «сообщества» в зависимости от собственных, связанных с ним и/или его местом интересов. Если внешнее определение окажется принятым местными жителями, то оно в дальнейшем может стать основой для самоидентификации и формулировки и отстаивания собственных интересов. Во-вторых, включенность в локальное сообщество может быть частичной и нерегулярной по интенсивности – в зависимости от связываемых с сообществом интересов и целей. Другими словами, такое сообщество может быть построено на таких же основаниях, что и любые другие ассоциации по интересам, а не только на основе «приписанного» территориального статуса. Более того, такие группы существенно увеличивают интенсивность социальных контактов внутри самого сообщества [2].

Отличия между «сообществом с ограниченной ответственностью» как добровольным объединением местных жителей и традиционно понимаемым соседством, основанном на этнической близости, явственно показано в исследовании Герберта Ганца, посвященном изучению итальянской общины района Вест Энд в Нью-Йорке [11]. Г. Ганц называет жителей общины «городскими сельскими жителями» («*urban villagers*»), поскольку, несмотря на проживание в крупном мегаполисе, они продолжали практиковать традиционный способ жизни, основанный на личных связях, взаимном признании и подозрительности по отношению к соседям, не входящим в общину. Это обусловило невозможность их объединения с другими жителями Вест Энда для реализации общих интересов, состоящих в сохранении района, который в результате был существенно перестроен.

Благодаря Г. Гансу и его работе «Урбанизм и субурбанизм как образ жизни» (1962 г.) [12] не только термин «городские сельские жители» прочно вошел в теорию и практику городских исследований, но и были подвергнуты переосмыслению ключевые положения концепции Л. Вирта относительно городского образа жизни. По мнению Г. Ганса, выводы Л. Вирта могут относиться разве что к так называемому «внутреннему городу» («*inner city*»), условия жизни в котором не могут быть распространены на весь город, в особенности на пригороды. Кроме того, аргументы Л. Вирта относительно влияния размера, плотности и гетерогенности населения на формирование специфически городского образа жизни оказываются неубедительными даже для «внутреннего города». Г. Ганс предлагает собственную классификацию городских жителей, отстаивая мысль о том, что существует не один, а, как минимум, пять различных «городских образов жизни» (так называемая «композиционная теория»):

1. «Космополитичные» студенты, артисты, художники, писатели, музыканты и другие интеллектуалы и профессионалы предпочитают жить в городе, чтобы быть ближе к значимым для них культурным объектам.

2. Неженатые и бездетные предпочитают оставаться в городе, чтобы быть ближе к работе и развлечениям.

3. Этнические «городские сельские жители» живут в общинах с сильными внутригрупповыми связями и относятся с подозрением ко всему, что находится за пределами их сообщества.

4. Бедные и одинокие представители этнических меньшинств обычно занимают самое дешевое жилье.

5. В городе остаются и те, кто пострадал вследствие нисходящей социальной мобильности и лишен возможности переехать в другое место.

Г. Ганс доказывает, что, с одной стороны, для формирования городских образов жизни ключевое значение имеют не столько различия между городом и не-городом (интерпретируемые в терминах экологического подхода), но широкий спектр социально-экономических факторов, а с другой – различия между жизнью в городе и жизнью в пригороде могут не быть столь существенными, как это представлялось представителям чикагской школы. Подобные выводы ведут к переосмыслению всего наследия классической социологии города.

Знаковой фигурой в таком переосмыслении является Клод Фишер, чьи работы «Жить среди друзей» [9] и «Городской опыт» [8] были одними из первых исследований городских социальных сетей и положили начало так называемой «субкультурной теории урбанизма».

Продолжая мысль Г. Ганса, К. Фишер утверждает, что город выступает благоприятной средой для развития, дифференциации и взаимодействия различных групп людей, разделяющих общие интересы и ориентации, практикующих различные «городские образы жизни», поддерживает не столько борьбу, сколько сосуществование разнообразных субкультурных групп. В то же время К. Фишер соглашается и с Л. Виртом в интерпретации факторов, влияющих на городской опыт (численность, плотность и гетерогенность населения).

Для К. Фишера размер группы выступает центральным фактором урбанизма. По его мнению, городская среда должна предоставлять некоторую «критическую массу», необходимую для того, чтобы люди, разделяющие общий интерес, стали действующей субкультурой. Именно эта «критическая масса» поддерживает взаимодействия среди единомышленников, оформляет и усиливает внутригрупповую идентичность. Размер города в данном отношении значим в двух смыслах. Во-первых, чем больше город, тем выше специализация в нем, а во-вторых, тем более разнообразным в этническом отношении является его население. Разнообразие и есть то, что отличает «городской опыт». К. Фишер пишет: «Урбанизм оформляет социальную жизнь – не разрушая, однако, социальные группы, как полагали детерминисты, но наоборот, усиливая их. Наиболее значимый социальный эффект от размера сообщества состоит в развитии различных субкультур. ... Подобно композиционной теории, субкультурная теория утверждает, что в городской среде продолжают существовать близкие социальные круги. Но подобно детерминизму, она разделяет взгляд, согласно которому окружение значительно изменяет сообщества, особенно – способствуя возникновению и развитию субкультур» [8, Р. 35–36].

Согласно К. Фишеру, город не только сохраняет традиционные (как правило, этнические) группы или, наоборот, способствует единообразию горожан, но создает разнообразие культурных сообществ, обеспечивая возможности для самовыражения самых разных групп. Признаком урбанизации может служить разнообразие городских жителей – идея, входящая в противоречие с основным положением классической городской социологии об универсализации городского образа жизни, порождаемой массовым обществом. Соответственно, зиммелевское «бесчувственное равнодушие» горожан может трактоваться как следствие не только эмоциональной перегруженности, но и как отчужденность и подозрительность по отношению к представителям других субкультур.

Интерпретацию К. Фишером сообщества как субкультурной группы, чья связь с местом оказывается несущественной, можно считать симптоматичной с точки зрения изменения трактовок городских сообществ как таковых. Городские сообщества могут быть малыми или большими, включать в себя соседство в рамках улицы или квартала или целый город или даже систему поселений, иметь в своей основе этнические связи или общие интересы, конструироваться на основе общей территории или вообще не иметь никакой пространственной привязки. Такая ситуация привела к формулировке идеи «освобожденного сообщества» («*community liberated*»), предложенной Б. Веллманом и Б. Лейтоном [14]. Суть ее состояла в том, что сообщество как предмет исследований должно быть «освобождено от пространственных ограничений», поскольку горожане предпочитают формировать первичные группы, не ограниченные соседскими связями, а зачастую вообще никак к ним не относящиеся. Б. Веллман и Б. Лейтон утверждают, что те, кто имеет сильные связи с соседским сообществом, как правило, обладают меньшими экономическими и социальными ресурсами и способностью для того, чтобы выстраивать контакты вне их места жительства. Исследование К. Фишера в Северной Калифорнии показывает, что люди с более высоким уровнем образования и дохода в включены в более широкий «географический контекст» и меньше привязаны к месту проживания [9].

Таким образом, «классические» исследования сообществ исходили из ряда предположений о том, чем являются городские сообщества, а именно:

1. Сообщество должно быть однородным на фоне разнородности города.
2. Индивиды должны взаимодействовать в основном с членами «своего» сообщества и в меньшей степени с людьми извне.
3. Сообщество должно иметь территориальную локализацию.

Если для времен социологической классики такая интерпретация сообществ, возможно, и была справедливой, то в современных условиях под такое описание подходят, скорее, сельские сообщества, чем городские. Однако, если отбросить третий признак (территориальную локализацию сообщества), то, пожалуй, по-прежнему можно согласиться с идеей о городе как средоточии сообществ.

Ответом Б. Веллмана и Б. Лейтона на сложности в определении и изучении городских сообществ является применение ими концепта социальных сетей для их описания. Сетевой подход (*social network approach*) в описании и анализе городских сообществ обладает тем преимуществом, что лучше отражает действительный опыт горожанина, включенного в различные контексты городской жизни. Эта включенность частична, а потому его принадлежность к той или иной группе не может описать его жизнь в полной мере. Сетевой подход как раз и позволяет обратить внимание на связи между людьми, преодолевающие межгрупповые границы. В то же время, как показывают исследования, социальные сети во многом принимают на себя те функции, которые считаются характерными для сообществ, интерпретируемых в качестве первичных групп, а в некоторых случаях выполняют их лучше за счет уменьшения давления социального контроля.

В последнее время сетевой подход в изучении городских сообществ дополнился анализом связей и взаимодействий, опосредованных интернет-коммуникациями. Так, например, Б. Веллман приходит к выводу о том, что группоориентированные сети уступают свое место индивидуализированным сетям – феномен, который он называет «сетевым индивидуализмом» (*networked individualism*) [22]. «Переход» существенной части социальных связей и отношений в информационно-технологическую среду вполне подтверждает трактовки современного города как «цифрового» (*cybercity*).

Как сетевой подход, так и концепция К. Фишера, подчеркивают еще один важный момент в функционировании города: люди и сообщества могут не только конкурировать друг с другом или искать примирения и гармонизации интересов, но и попросту избегать нежелательных контактов. Важный шаг в развитии этой идеи сделал Ричард Сеннетт в своей работе «Использование беспорядка: персональная идентичность и городская жизнь» [19].

Р. Сеннет утверждает, что существенная часть среднего класса, стремясь защититься от вызовов городской жизни, замыкается в собственном мире с минимумом социальных контактов. В ответ на сложность (*complexity*) города и его жителей они вырабатывают систему предубеждений относительно других жителей города, которая становится центральной частью восприятия и отношения к ним. Чтобы сохранить свое стереотипизированное видение себя и окружающей действительности (которое может пошатнуться в результате взаимодействий), они предпочитают минимизировать свой городской опыт, ограничиваясь в основном контактами внутри «своего» безопасного и «чистого», относительно однородного в социальном и культурном отношении района (часто – пригорода). Такое поведение обусловлено стремлением приблизиться к конвенциональной модели «жизни семьи среднего класса». Поскольку этот образ разделяется большинством, каждый конкретный представитель класса оказывается подобным другому, и вместе они образуют достаточно однородную среду. Разделяемый большинством образ того, к чему следует стремиться, с акцентом на комфорте и безопасности, гомогенность социального окружения становятся базой для развития чувства принадлежности и основой для интерпретации жителей как «сообщества». Однако, как показывает Р. Сеннетт, этот образ оказывается подделкой, а сообщество – мифом, в то время как в реальности за взаимным признанием и доброжелательностью стоит нежелание брать на себя ответственность в случае вовлечения в более тесные отношения.

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционный подход к анализу сообществ полагает их территориальную определенность принципиально важным моментом – предполагается, что социальная организация «надстраивается» на территориальную основу, которая в ряде случаев оказывается определяющей для сообщества (например, в случае городского образа жизни в интерпретации Л. Вирта). Однако большинство исследований, начиная, как минимум, с середины XX века, эту идею аргументировано критикуют. Так, например, представители субкультурного и сетевого подходов переосмысливают классическую интерпретацию сообществ в сторону отказа от рассмотрения их локальности как основного признака. Р. Сеннетт идет дальше, показывая, что даже при наличии ряда сходных социальных и культурных черт у людей, проживающих компактно на одной территории, пространственная близость может не быть фактором существования сообщества. Это, в свою очередь, приводит к идее о ключевой роли представлений в формировании и воспроизводстве сообществ, которая реализована, в частности, в работах Б. Андерсона [1], А. Аппадурраи [5] и других.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с. 2. Вагин В. Социология города [Электронный ресурс] / В. Вагин // Библиотека Гумер. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/04.php 3. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции [Электронный ресурс] / М. С. Добрякова // Открытая библиотека публикаций по социальным наукам. – Режим доступа : http://socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=861:2012-03-29-16-35-01&catid=89:2012-03-29-16-27-50 4. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк ; пер. с англ. В. Николаева // Социологическое обозрение. – Том 5. – № 1. – 2006. – С. 12. 5. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis; London : Univ. of Minnesota Press, 1996. 6. Community // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Gordon Marshall (Ed.). – NY., Oxford : Oxford University Press, 1996. – P. 72–73. 6. Davis A. Deep South: A Social Anthropological Study of Caste and Class. / A. Davis, B. B. Gardner, M. R. Gardner. – Chicago : Chicago University Press, 1946. 7. Fischer C. The Urban Experience / C. Fischer. – San Diego : Harcourt Brace Jovanovich, 1984. 8. Fischer C. To Dwell Among Friends: Personal Networks in Town and City / C. Fischer. – Chicago : Chicago University Press, 1982. 9. Flanagan W. G. Urban Sociology: Images and Structure / W. G. Flanagan. – Boston : Allyn and Bacon, 1999. 10. Gans H. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans / H. Gans. – New York : Free Press, 1962. 11. Gans H. Urbanism and Suburbanism as Ways of Life. A Re-evaluation of Definitions / H. Gans // Human Behavior and Social Processes: An Interactionist Approach / A. Rose (Ed.). – Boston : Houghton Mifflin, 1962. – P. 625–648. 12. Janowitz M. The Community Press in Urban Settings: The Social Elements of Urbanism / M. Janowitz. – Chicago : Chicago University Press, 1961. 13. Leighton B. Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question / B. Leighton, B. Wellman // Urban Affair Quarterly. – 1979. – Vol. 14. – № 3. – P. 363–390. 14. Lunt P. The Social Life of a Modern Community / P. S. Lunt, W. L. Warner. – New Haven, Conn. : Yale university press, 1941. 15. Lynd H. M. Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts / H. M. Lynd, R. S. Lynd. – NY. : Harcourt, Brace and World, 1937. 16. Lynd H. M. Middletown: A Study in Contemporary American Culture / H. M. Lynd, R. S. Lynd. – NY. : Harcourt, Brace and World, 1929. 17. North C. The city as a community: An introduction to a research project / C. North // The urban community / E. Burgess (Ed.). – Chicago : The University of Chicago Press, 1926. – P. 233. 18. Sennett R. The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life / R. Sennett. – London : Faber & Faber, 1996. 19. Suttles G. The Social Construction of Communities / G. Suttles. – Chicago : University of Chicago Press, 1972. 20. Suttles G. The Social Order of the Slum: Ethnicity and Territory in the Inner City / G. Suttles. – Chicago : University of Chicago Press, 1968. 21. The Internet in Everyday Life / C. Haythornthwaite, B. Wellman (Eds.). – Oxford : Blackwell, 2002. 22. The urban community / E. Burgess (Ed.). – Chicago : The University of Chicago Press, 1926. 23. Warner W. L. The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans / W. L. Warner. – New Haven, Conn. : Yale university press, 1959. 24. Warren R. The Community in America / R. Warren. – Chicago : Rand McNally College Publishing, 1971. 25. West J. Plainville, U.S.A. / J. West. – New York : Columbia University Press, 1948. 26. Whyte W. F. Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum / W. Whyte. – 4th edition. – Chicago : Chicago University Press, 1993. 27. Wirth L. Ghetto / L. Wirth. – Chicago : The University of Chicago Press, 1928.